

альманах Журнал Поэтов №11 11-й Всемирный день поэзии ЮНЕСКО

ПО

Ж У Р Н А Л

№11 (23) ̄ 2010

Э Т О В

РАДАРЫ РАДОСТИ

РАДАРЫ РАДОСТИ

21 марта 2000 г. Первый Всемирный день поэзии в Театре Ю.Любимова на Таганке

Фото Виктора Ахлюмова

Слева направо: Андрей Вознесенский, Юрий Любимов, Константин Кедров

1-й Всемирный день поэзии ЮНЕСКО в Театре на Таганке 21 марта 2000 года прошёл под знаком ДООСа. Полтысячи зрителей приветствовали художественного руководителя театра Юрия Любимова, поэтов Константина Кедрова, Елену Кацюбу, Алину Витухновскую, Михаила Бузника и актера Валерия Золотухина, вышедших из знаменитого вращающегося вокруг оси занавеса. Андрей Вознесенский прибыл на сцену прямо из аэропорта. Феерический успех вечера запечатлен в телефильме, отснятом каналом «Культура». В благодарственном письме Константину Кедрову сказано: «От имени Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО выражаю Вам искреннюю благодарность за организацию и проведение 21 марта в Московском театре на Таганке торжественного вечера по случаю Международного дня поэзии. Успех вечера, подготовленного в столь сжатые сроки, широкий резонанс, который получило это мероприятие, позволяет говорить о том, что основа традиции празднования в России Международного дня поэзии заложена». Итогом вечера стал выпуск «Журнала ПОэтов» № 2 «Созвездие весны» и альманах-биллингва «ДЕПО / ДЕРО» – День ПОэзии, изданном в Москве и в Париже, со стихами русских и французских поэтов.

Московский театр на Таганке
meamp
НА ТАГАНКЕ
под руководством
Юрия ЛЮБИМОВА

Московская
Ассоциация
Поэтов
ФИПА
(ЮНЕСКО)

празднуют
Всемирный День
Поэзии и Весеннего Равноденствия
21 марта 2000 года

"ТЫ ВСЕ ПЕЛА ЭТО ДЕЛО!"

Действующие лица:

Вергилий и Данте - Юрий Любимов
Серебряный век - заключенный И. Бродский
исполняет Валерий Золотухин
Ангелы, Архангелы и Стрекозы - ДООС
(Добровольное Общество Охраны Стрекоз)
Стрекозавр - Андрей Вознесенский
Стихозавр - Константин Кедров
Libellula - Елена Кацюба
а также
Поэт скульптуры и скульптор поэзии
Борис Лежен (Франция)
Еленопевец - Михаил Бузник
Террористка - Алина Витухновская

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр
Специально для ПО

Я играю на скрипке Пикассо...

Я играю на скрипке Пикассо
Скрипка – скрепка меж небом и мной
Я играю на скрипке Пикассо
Или скрипка играет со мной

Всё играет а я не играю
Все играют а я не игрок
Несомненно я всё проиграю
Проиграю, что б выиграл бог

Потому что когда я играю
Я играю в себя и во всё
Несомненно я всё проиграю
Но зато проиграю я всё

Пусть и мне будет порванострунно
Пусть и я буду вывернут вне
В несебя в небеса где безумно
Всем безумно а скрипке умно

Я играю на скрипке Эйнштейна
И хотя он играет не в такт
Знаю я, что ни Штайнер ни Штейнер
Не сыграют на скрипочке так

Я играю на Кедровой скрипке
Вся кедровая – струны из жил
Сам не знаю смычок или скипетр
Дирижер в мои руки вложил

* * *

Я рад что Бог меня увидел
А мог бы ведь и не увидеть
Я рад что Бог меня увидел
Что я увидел – Видит Бог

Я рад что я увидел Бога
Но я не мог не видеть Бога
Бог без меня – и я без Бога
Но Бог со мной и я как Бог

Быть может Бог меня не видит
Быть может я не вижу Бога
Но видит Бог – я вижу Бога
Но видит Бог – нас видит Бог

Турритопсис нутрикула

Во мне живет Турритопсис нутрикула
Бессмертная прозрачная медуза
Она неистовая как Калигула
Моя животрепещущая Муза

То призрачная то насквозь прозрачная
Как мозг внутри искрящийся от дум
Она и новобрачная и брачная
Она безумие и в то же время ум

Когда-нибудь а лучше никогда не будь
Она размножится видеоклипами
Распространится в небе вечный Млечный путь –
Бессмертная Турритопсис нутрикула

26 февраля 2010

Бултых

Оттого ли что чувство проснулось
Ввысь рванулась нагая душа
По касательной неба коснулась
И зависла творя антраша

Хорошо мне вибрировать телом
Вокруг неба по кругу летя
Вьюгой пишущей белым на белом
С погремущкою лунной у рта

Огороженный звездным манежем
Я схвачусь за тебя и – бултых
Потому так тревожен и нежен
Мой лепечущий глупости стих

22 февраля 2010

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Андрей Вознесенский

ДООС – стрекозавр

ДОМ С РУЧКОЙ

Как живется вам, мышка-норушка?
С наружнюю лестницей дом
Походит на кофейную кружку,
Перевернутую вверх дном.

Каждый день в этой ручке волшебной
Я спускаюсь ступеньками в сад,
Где подтёками божьего щебня
Вековые березы висят.

Гость, пройдя освещенную ручку,
Пробежит сквозь цветной плексиглас
Он и время становятся лучше,
Чем сейчас.

Начинающая архитектор,
Спроектировав этот дом,
Начинила мигающим спектром,
Интерьер его. И кругом

Перерывчатым частым дыханьем
Дышит дом, дышит дом, дышит дом.
В нем мы трудимся, отдыхаем,
А бывает, баклуши бьем.

Это же просто невыносимо
Улетать в иные края!
Дышат легкие выносные
Или трубка дыхательная.

Здесь мы жили глухие к наживе
Обожали «морепродукт»
Пусть беспамятно ноги чужие,
По ступенькам нашим пройдут.

Пусть прослушка или наружка
Постепенно с ума сойдут:
«Почему она светится, ручка?
И куда те ступеньки ведут?»

Виктор Ахломов

заслуженный работник культуры
ДООС – линзавр

Вадим Рабинович

доктор философских наук
ДООС – доосозавр

* * *

Звенят ковыли вдоль Земли, берега охраняя.
От горя черно на берегу Моря под утро.
На берегу Неба я не был, признаться, ни разу.
И там хорошо, и тут хорошо, что тоже неплохо,
Потому что главное – это берег.

Но как-то по случаю я очутился на скользком канате.
Вверху – пустота, а под звёздами, низ обличая,
Меж верхом и низом завис, упираясь в пространство,
Чтоб, тоже по случаю, вниз или вверх не сорваться.

Это видели други мои дорогие
И – свалюсь-не свалюсь – держали пари на лысой полянке.
А канат меня вёл в никуда ниоткуда,
Вёл и вёл, и сегодня ведёт меня тоже.
И зачем я ему? И чего прицепился, зануда?

Но и я помогаю канату держать меня прямо.
Настежь руки. В руках лепесточки – великая малость.
Белоснежный один, а другой – просто синий платочек.
О, какое спасение – эти платочки!
Чистый шёлк. Равновесия вдох затаённый.
Это тайна моя, чтоб не сбить равновесье...
И зачем я влетел в эти лунные веси
На вселенском юру? Или сверху виднее?

...Эй, вы, там, кто внизу, –
Пожалейте меня на жалейке и флейте!
Или так позовите – на склонение дня!
Горькой чаркой уважьте, тёрпким мёдом согрейте!
А ещё, если можно, снимите с каната меня...

Фото Елены Кацюбы

Кирилл Ковальджи

ДООС – криллозавр

●

Приснилось, что стрекоза
живёт четыре часа.

Знаю, что это не так,
но почему-то до слёз
стало жалко стрекоз.

Я буду сам себе враг,
если одну стрекозу,
одну стрекозу
не спасу...

●

Ты не из земных девах,
Не приколочка –
Танцевала не на пнях –
На иголочках...
На твоих босых ступнях
След от облачка!

●

Лаура, Беатриче, Натали...
Какие бы не возникали споры,
–
Что поэтические горы
Без этих дочерей земли?...
Без Любы, Лили, Айседоры.

●

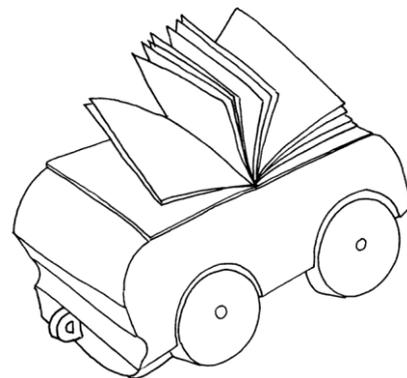
Как ни велик океан,
в нём столкнулись две
подводные лодки,
Как ни огромно небо,
в нём столкнулись два
самолёта,
даже в космосе
столкнулись два спутника

а в Москве
мы с тобой – ну никак...

●

Валерия Нарбикова**...И ПУТЕШЕСТВИЕ***Начало романа***Предисловие автора**

Мне хотелось понять, сформулировать, что **э т о** такое. Потому что сейчас в **э т о м** для меня заключалась жизнь. Я могла выразить **э т о** только с помощью языка, больше никак. Я была беспомощна перед **э т и м** и абсолютно одна. Я не могла себе объяснить, что такое **э т о**, чего я так жажду, чего добиваюсь и не могу уловить, что ускользает от меня подобно мгновенному свету, что мучает меня и доводит до отчаяния, и я не знаю, что **э т о** такое, как **э т о** называется. И очутившись в Германии, я окунулась в океан шума, где я не понимала ни слова. Это был поток звуков, волны звуков, приятные для слуха и безразличные для сердца. И я поняла, что за последнее время **э т о** и было моим единственным страстным желанием – не понимать человеческую речь. Может, для того и развалилась Вавилонская башня, чтобы у человека оставался хоть один язык, который он никогда не поймёт, который будет для него только шумом, только щебетанием, только мелодией, в нём не будет слов, в нём не будет смысла. Мне хотелось слышать и не понимать. Я не хотела бы очутиться в деревне, в чистом поле, где от полного отсутствия звука звенит в ушах. Ведь когда ты сам говоришь и ты понимаешь, что говорят вокруг, то для окружающих ты и есть ты. Но не произнося ни слова, не понимая ни слова, ты бежишь из «Ты» в – «Я», совершая необычайное путешествие из второго в первое лицо.

Предисловие героя

Напивать о себе самом на себе самом – не так просто. Потому что героем романа и являюсь Я – Язык. Это я – герой, а не они. Они персонажи, они простые люди в книжке. Это на мне они говорят, мною они любят и дышат. Я – им всё: воздух, вода и тепло, только в виде языка. Без меня бы они погибли тут же. Я таков для них главный, как солнце. Я даже главнее мамы для них. Но я также и беззащитен. И перед этими персонажами. И перед автором. С автором у нас любовь, мучение и страсть. Как же иногда автор мучает меня, как терзает, но он меня любит. Я тоже мучаю автора, он такой же беззащитный, как и я, такой же нежный. Но так как меня терзают порой персонажи, так даже автор не обращается со мной. Если бы у меня были ноги, я бы пошёл и подал на них в суд. Но у меня только слова.

Предисловие читателя*

*
Этот лист нарочно остается пустым для того, чтобы каждый читатель мог написать его самостоятельно.

Слова – это только шум
слова – это физиологическая потребность
слова – это несостоятельность мысли
слово пренебрегает словом
слову мало слова
в слове мало слова
слово конечно
слово можно обожать
слово имеет скелет, плоть
у слова есть тень
словом можно играть
но словом нельзя играть в шашки, шахматы, карты
с помощью слова нельзя перейти шоссе
в слове есть страх слова
в слове слишком много букв.

Рисунок Кристины Зейтуньи-Белорус

Елена Кацюба
DOOC – libellula

Камни, или Люди

2007, сентябрь,
над Атлантикой

Наш пращур Арбалет и матушка Тетрадь
построили для нас второй этаж любви
там платина песков и серебро Камней
когда они Луне дают прямой ответ
о числах для Людей
Их «нет» прожектора музуют под стекло
где Ферсман им отец их узнавал в лицо

Их видел Галилей сквозь умную трубу
он в пышных платьях дам водил смотреть Луну
такой любовный акт, но сброшенных одежд
никто не видел там, а Камни знают все

Нам брат был Микроскоп. Предметное стекло
нам открывало в жизнь прозрачное окно
и каждый Камень был однажды я и ты
пока он стал собой
Карузо колесá нам скрежет пел и скрип
ведь это ультразвук, он выше звуков всех

Над пеньем мостовой нам Андерсен в окне
выгадывал судьбу и нежил архетип
там снежная жена в глаза глядит сквозь лед
и думает про смысл
А смысл – такой обман
его мы в город свой не пустим без письма
Те письма поутру нам Рембрандт принесет
он свой ночной дозор оставит за углом
стеречь велосипед
Из писем всех картин мы выберем одну
а он оставит нам автограф на стене
ведь Камни все хранят

Наш город мы назовем Врата
Наш город мы назовем Дверь
Наш город мы назовем Окно
а Город назовет нас

И тогда Колумб
взвалит на плечи океан
Камень ему будет компас
а башмаки корабли
он пойдет по отрогам
соленых гор
а Феллини с причала
крикнет: «мотор!»
e la nave va

Монахи Джордано и Николай
поднимут библейские паруса
а император Константин
откроет врата впереди пути

Штурман Эйнштейн
проложит маршрут
не минуя ни одного шторма
пока боцман Бор
на корме
играет в кости с Богом

Ветром попутным ударит в парус
голос Марии Калласс
взмахнет рукой Герберт фон Караян
и вскинется океан головой Бетховена
и оглохнет тишиной
залитый воском времени в ушах Одиссея
от воя сирен Второй мировой

А на жидких экранах волн
проплывут полководцы времен
avanti Cristo e dopo
и только хирургия Хемингуэя и Набокова
спасет слова от гангрены смысла

Будут Камни брести за кораблем
бороздя дно
обрастая ракушками морского шума
а когда выйдут на сушу
вырастут скалами
В них океан стеклá просветлеет окнами
небо прилипнет к мокрым бокам

Примут прибрежные Камни корабль-дом
обросший птицами, солнцем, льдом
выплеснет Pacific
медного быка для Пасифаи
остановит посреди street
и царица родит
Минотавра –
город который никогда не спит
Камни построят ему Лабиринт
а ты спи и не бойся –
у ангелов крылья Боинга

Фото-графика Елены Кацюбы

Сергей Бирюков

ДООС – заузавр
Галле, Германия

Полет динозавра

по наблюдениям ученых
голодные мыши живут дольше

так и запишем

но оказывается динозавры
летали
по наблюдениям ученых
ученые все записали
на веб-камеры

и могли бы показать

но голодные динозавры
не желающие жить как мыши
под наблюдением ученых
съели оных
копии послали прикрепленным файлом

таким образом
упорядоченная система
неожиданно трансформировалась
в хаос
что по определению Пригожина
позволило выйти на новый виток

динозавр спланировал
неудачно
клюнул носом в песок

ученые признали свою вину
косвенную но все равно

кто пил цикуту
кто вино
все умерли
никого нет

динозавры в поиске
иных планет

Картина современной словесности

*	*	*
что-то не так	радар	а вот бывает
что-то не то	рыдал	под звон баллад
что-то не так		что сочинят
чт-т не т	дар рад	и хор ребят
а если нет	да рар	они бубнят
напротив т	дадар	не хор а хыр
напротив н-т	радад	а то и хур
ит		а то и хэр
		ягнят

Александр Еременко

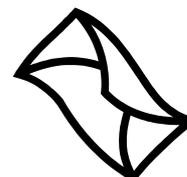
Специально для ПО

24.02.2010 0:22

Лена, вот Саша Майоров, такого ты помнишь?
Вот, прочитавши, желает вам сделать обложку.
Щас он магистр всех искусств,.. в США,..
да всего не
припомнишь...
Нет, чтобы взял и завел себе новую кошку.

26.02.2010 1:41

Майоров – в Туле.
Пушкин в гробе.
Я – на свободе.

И думал я, присев у ванной,
где замочил свои носки.
Какая славная нирвана
и к ней короткие шажки.

Александр Чернов

ДООС – днепрозавр
Киев, Украина

* * *

Подогретое sake,
охлажденные креветки,
сад камней невдалеке
от бамбуковой беседки.

Утомленный самурай
на рассвете шепчет гейше:
«Сколько землю ни копай –
все равно не станет меньше».

* * *

За цельность мироздания
болит моя душа –
несут одно название
по небу два ковша.

Завою, словно Маугли,
зачем их развели:
Великие и Малые
медвежие углы?

Влияют звезды вещие
на злобу наших дней –
три подписи, три трещины,
континентальный дрейф!

Christine Zeytounian-Belous
Кристина Зейтуниан-Белоус

Париж, Франция
ДООС

Авторская билингва: стихи на французском и русском

Fragment de mythologie

Quand la rive s'assombrit,
que les statues aux yeux rauques
blanchissent démesurément,
il est temps de plier bagages.

D'empiler dans un crâne endolori
les riches heures de la journée
et tout le bric-à-brac annexe,
d'interroger les papillons sacrés
pour mettre au point la stratégie du songe.

La plupart du temps ils ne savent que réciter en plusieurs
langues
un certain nombre de textes appris par cœur,
toujours les mêmes, notamment
la déclaration universelle des droits de l'homme,
les horaires des trains d'été
et la recette de la tarte aux épinards.

Mais parfois ils laissent échapper
quelque précieuse indication,
peut-être malgré eux,
un chiffre, une lettre,
un fragment de sourire...

susceptibles d'accélérer le processus
de la transmigration.

Отрывок мифологии

Когда темнеет берег,
а статуи с охрипшими глазами
белеют чрезвычайно,
пора собираться в путь.

Пора укладывать в большую голову
богатства прожитого дня,
а также всякий хлам,
пора внимать советам священных шелкопрядов
и вырабатывать стратегию сна...

Но бабочки обычно наизусть
твердят одно и то же
на разных языках:
то выдадут декларацию о правах человека,
то расписание летних поездов,
то рецепт пирога со шпинатом.

И все же иногда, быть может, невзначай,
в их речи витиеватой можно уловить
намек на знание тайное,
шифровку – цифру, букву,
подобие улыбки...

Их можно применить
для ускорения процесса перевоплощения.

Маргарита Аль
ДООС – стрекозАл ь

самому Астранному

по азбуке звука
по лестнице букв
энергия шага
энергия жеста
и сердце в параде
и в небо подарок
и Боги в повозке
и ангелов круг

Любители
целователи
от красной оранжевожёлтые
клацают клапаны лифта
изсинясинянная в фиолетово

Асамый Астранный за каждого
по каждому и по каждому
по самое каждое каждому
ешь изобилие
пей изобилие
так из зеркала в зеркало –
два метра квадратных 999 пробы

Дары

Дар Солнца – взгляд
Дар пространства – мгновение
Дар времени – остановить

Хочешь пить – бей в барабаны
Хочешь флейтой – пролейся
Или звени оркестром
Во все паруса

Яблоко – дереву мать
Съешь его до последней косточки
Съешь всё чему быть всем
Съешь тень
И съешь отражение

Стань сытым
Стань ничем
Стань дыханием преддыхания
Стань круглым до пустоты
Стань отодвигающим
Дары

Нуль – более чем единица
Точка отсчёта – более чем весь отсчёт
И только Дар
равен Дару
Быть
Всему Даром: Быть Всем

Тень НЕТ – да? Или ?ад – ТЕНЬ нет

ПОПЫТКА НЕ СОЙТИ С УМА

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

СПАСИБО

Я полностью отказался от мяса.
Спасибо сказали глаза моих сестер-коров.
Спасибо сказали глаза моих братьев-быков.
Спасибо сказали глаза моих друзей-кабанчиков.
Спасибо сказал начальник управления кардиологии моего организма,
Спасибо сказал начальник управления пищеварения моего организма.

Мой рацион теперь скромн:
Вода, сухофрукты, капуста, трава...
Человеку так мало надо.

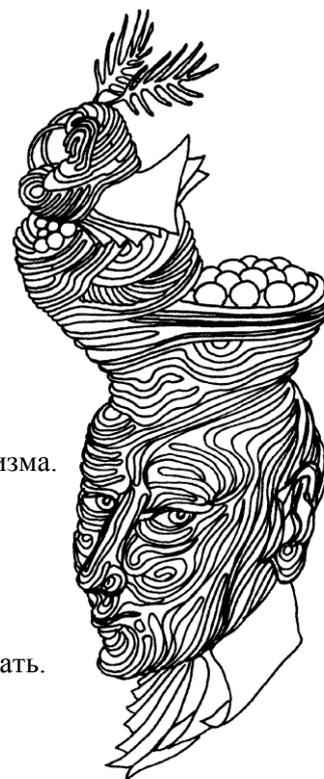
Я полностью отказался от вина и водки.

Спасибо сказал начальник управления мозговых извилин моего организма.
Спасибо сказали другие начальники управлений.

Я полностью отказался от мата в речи.
И сам себе сказал спасибо.

Со временем я должен научиться питаться от солнечной энергии и летать.

6.12.2009, ст. Удельная

ПОЭЗИЯ

попытка спрятаться от мира
сбежать от века-конвоира
(не оскудеет колыма)
попытка не сойти с ума

5.02.2010, Трубниковский переулок

Рисунки Кристины Зейтунян-Белюс

Татьяна Зоммер

* * *

ЕВА, с душевным скрипом
овладеваю санскритом

скрип полозьев
АКУЛА слова СТУЛА ложатся
в праколыбель

надо мной звездное а-ДЬЮ
отец везет сани
разговаривает, НИТЬЯ,
на санскрите
ХР....

*Ева – путь, ход
акула – простой, обычный
стула – прочный
дью – небо
нитья – естественно
хр – медведь, амулет, мысль,
восторг*

Лоренс Блинов
 ДООС – звукозавр
 Казань

Т Ы М Ы Т
 графемы

Пояснение к ГРАФЕМАМ

Действующие лица Графем:
 Я, ТЫ, МЫ.
 И некие *МИМЫ*,
 пытающиеся нас ВыМыть...

Я – МЫ'т. Ты – МЫ'т.
 Я и ТЫ – МЫ ВЫМЫТЫ
 МИМАМИ.

Мимы же эти –
 трансцендентные *пески*
 изначального
 (субстанциального)
 ВРЕМЕНИ, множеством,
 бесконечным множеством
 ликов своих пытающиеся
 смыть с нас иллюзию
 постоянства.

Графема I

Я
 И
 ТЫ

Графема II

Т Ы М
М Ы Т Ы М
Т

Графема III

Я И
 ТЫ
М Ы Т Ы
М Ы
Т
Ы
М Ы Т

М Ы
 Т Ы

М Ы

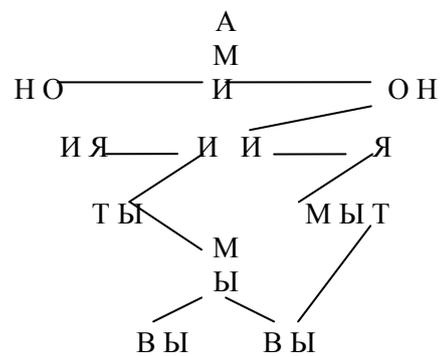
Т Ы
М Ы Т

И Я

И
 Я

Графема IV

М
 И
Т Ы М Ы Т

М Ы М Ы
 М
 Т Ы И Т Ы
 М Ы
 МИМАМИ

Графема VII

Я ————— Я
 И ————— И
 ТЫ ————— МЫТ
 ТЫ

М Ы
 Т Ы М Ы
 М Ы Т Ы
 М Ы
 Т Ы
 М Ы Т Т Ы
 И... И
 Я
 И... И
 Ы Т Т Ы

Ы М М Ы
 Ы Т Т Ы
 Ы М М Ы

Ы Т Т Ы
 Т Ы М М Ы Т
 И И
 Я ————— Я

Графема V

И
К
С
И Н Е М Е Р В
П

Графема VI

Т **ЕНИ**
Ы **М**
И М А К С Е П
Ы **Р**
Т **В**

Юлия Андреева

Санкт-Петербург

* * *

Я вижу сон во сне,
И в нем я вижу сон.
Как отраженье в отражение
любуется.
Но правды нет ни в сне,
Ни в сне о сне,
Ни в бреде, ни в луне, в отдельности.
Как капельки росы,
На стеблях сочных трав
Сплетаются в узор таинственный
Так мы живем во сне,
И сне о сне
За гранью сна и слов,
Что шепчут призраки.

* * *

Священник лазающий по деревьям,
Не знает, насколько узкие брюки,
Какие ужасные светские вещи,
Должны мы носить.
Священник машет черной сутаной,
Летя на небо –
Христианское небо, минуя олимп.
Мой добрый отец,
В одинокую келью,
На чашку чая
С запахом мяты,
На сладкое золото
монастырского меда
летите ко мне.
За чтением Гете,
За музыкой Баха,
За тихим простым разговором
и чаем,
Так славно и кротко,
Как райские птички
Мы день проведем.
Священник, лазающий по деревьям
И учащий птиц продвиженью
по небу.
К заутрене всяко успеет вернуться.
Оставив чудесные воспоминанья,
О черной сутане летящей над
башней,
О черной сутане скинутой наспех
На стул
В белой келье
Пропахшей мятой.

Андрей Коровин

ДООС – крымозавр

женщина и вода

женщина и вода
не останавливайся. повторяй за мной
женщина и вода

лепестки роз в ванной
листья плывущие по реке
жёлтые кувшинки с зеркальными листьями
плакучая ива скрывающая твою наготу своими слезами
облака набрасывающие тени тебе на плечи

всё что известно создано из женщины и воды
женщина течёт вверх
вода рождает вселенные
не стой у них на пути
эти течения неостановимы
они сметут всё на своём пути

ж е н щ и н а и в о д а
е д
н о
щ в
и и
н а
а н
и и
в щ
о н
д е
а д о в и а н и щ н е ж

Цунами

под лазоревым небом сэй-сенагон
у нефритовых тропиков катманду
я найду тебя милая бибигон
я найду тебя маугли я найду

сводный брат четырёх боевых слонов
дай мне силу рук твоих и ветвей
я услышу твой древнеримский зов
я спасу тебя милая эдельвейс

и пока потоп не залил зарю
мы с тобой случайно спастись должны
слышишь милая я тебе говорю
африканские песни моей страны

Борис Гольдберг

Прага, Чехия

Разные Мадонны

Мадонны Леонардо лучатся нежной страстью:
Забываясь о младенце, лелея и любя.
Мадонны Микеланджело почти что безучастны,
Мадонны Микеланджело погружены в себя.
Мадонны Рафаэля пленяют нежной грудью,
Соцветьем ярких красок, голубизной небес.
Мадонны Микеланджело скорбят о том, что будет.
Мадонны Рафаэля довольны тем, что есть.

Последнее слово в этом споре

принадлежало, думается, Леонардо.

Он, имея особый склад ума и сердца,
Войдя в страну чудес без визы,
Создал Мадонну без младенца
И дал ей имя: Мона Лиза.

Анна Богданчик

●

Израильские кошки
Заполонили улицы Израиля.
Они подкарауливают повсюду:
Под машинами, на столиках кафе
Возле пляжа лежат, умываясь.
Смотри себе под ноги, шагая по траве,
Ты можешь не заметить очередную королеву.
Кошки, кошки самых разных мастей
Лежат бело-солнечно-золотистыми
Пятнышками – повсюду.
Рыжие, белые, серые, тигровые,
черные – таинственные Багиры
Хайфы, Тель-Авива и Эйн-Бокека.
Я поняла: Израиль – не только
Государство русских эмигрантов,
Это еще и кошачье королевство,
Королевство, которого нет на карте....

●

Море, Мертвое море,
дарящее жизнь,
Бирюзово – искристо – прозрачное.
Когда я вхожу в его воды, то слышу:
«Я старо, я гораздо древнее тебя,
Пусть ты и странствовала веками
По разным телам.
Я много могу рассказать-напеть-нашептать
О тех, что приходили сюда
И умели только брать, брать, брать.
А я бесконечно дарило....
Забудь про название, почувствуй, что я живое.
Помни меня, восхищайся мной.
Когда-нибудь я уйду,
Но останусь плескаться в тебе волнами
И петь тебе свои древние песни на ночь...»

Дмитрий Чирказов

Двуязычные палиндромы

Вид неба

* * *

Abend и вид неба.
Небо oben?
Нет, ну unten!

Примечания:

Abend – вечер (нем.)

Oben – сверху (нем.)

Unten – снизу (нем.)

* * *

Eben ангел лег на небе,
even антипод допит на Небе.

Примечания:

Eben – только что (нем.)

Even – только что (англ.)

* * *

Уже ль лежу
на небе nebenap?
Ни Ев во раю, не
пенюаров Wein.

Примечания:

Nebenap – рядом (нем.)

Wein – вино (нем.)

Монопалиндромы

Молитва

Ша, нечто! Не видно
woher Gebet. O, Gott
kill лик того. Тебе грехов,
он дивен – отче наш!

Примечания:

Woher – откуда (нем.)

Gebet – молитва (нем.)

Gott – Бог (нем.)

Kill – убей (англ.)

Das сад

Уроним саженец в Erde в ведре.
– В цене жасмин! – ору.

Примечания:

Erde – земля (нем.)

Продолжение темы «Журнала Поэтов» № 9 «ПАЛИНДРОМАТИКА»

Александр Бубнов

доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр

Фотопоэт – как слон в поэтической лавке

заслонка
заслонки
заслоночка
заслоночки
заслонялка
заслонялки
заслонялочка
заслонялочки
фотозаслонка
фотозаслонки
фотозаслоночка
фотозаслоночки
фотозаслонялка
фотозаслонялки
фотозаслонялочка
фотозаслонялочки

Вот такие напрашиваются термины.

Заслонки, фотозаслонки, заслонялки (стиралочки) – Заслонка, заслоночка, (фото)заслонялочка – вид (графического) логогрифа; логогрифическая форма литерологии (комбинаторной поэтики).

Заслонялочка отличается от так называемой «стиралочки» тем, что «стирание» букв и/или их элементов происходит путём заслонения (загораживания) букв различными естественными и/или искусственными методами (столбами, деревьями, руками и т.п.) с целью видоизменения изначального текста.

ЗаикалОЧКИ, стиралОЧКИ – «очковые» формы комбинаторики. Сюда же относятся и заслонялОЧКИ.

Фотозаслонялочка (фотозаслонка) как форма визуальной поэзии, в отличие от фотостиралочки, имеет, как термин, гораздо БОльшее визуопоэтическое (фотопоэтическое) обоснование, поскольку собственно «заслонка» и задаёт объём, расположившись между глазом наблюдателя (объективом фотоаппарата) и изначальным текстом.

(2008)

Юрий Метелкин

Я услышу твой голос и вспомню

Я услышу твой голос и вспомню
за чертой пилигримовых лун
тишину убаюканных комнат
без времен и теней на полу,
где по картам священных Арканов
мы гадали, пугая судьбу
роковыми подменами планов,
и слепые брели наобум,
не заботясь о хлебе и месте,
прорастали по завязи рук
крылья птиц, улетающих вместе,
завершая божественный круг.
Ты услышишь мой голос и вспомнишь,
как невечен предел бытия,
в тишине убаюканных комнат
тень твою обнимала моя...

Русалочка

...А море, выплнув из тьмы слюну волны,
поверх губы полукривой улыбки бухты,
скрывая кариес, глотало валуны,
слегка надкусывая брошенные фрукты.
Шипело сидром в горловинах бутыльков,
трепля флажки наклеек обморочной пляской,
и окружало бедра стаями мальков,
пленив твою фигуру фосфорною ряской.
Ты халцедонная в берилловой волне,
вкрапленье в зелень, чудный сон
Мадагаскара,
в ладонях штиля лишь нашептывала мне –
«Ищи любимых на земле, ты мне не пара»...

Алёше Парщикову

... обрящем в мире отражение себя,
любая тень не удовольствуется малым,
как звёзды яблок на исходе сентября,
отяжелев надеждой, падают устало,
в ладони листьев,
в золотые покровы медовой смерти,
задыхаясь ароматом
я подбираю их в пустые рукава,
едва мерцающих рубиновым каратом,
апостол Павел и блаженный Илия,
разделят ношу на эвклидовой кончине,
и утвердят супрематизмом бытия,
твоих надгробий алебастровые спины...

Наталья Никифорова

Чем ноль отличается от пузыря мыльного?

Чем ноль отличается от пузыря мыльного?
Ноль, даже если и лопнет, нулем останется.
А пузырь мыльный, радугой семицветной над миром моим пролетая,
В ясных глазах отражается. Радость дарит пусть и совсем малую,
но нулем только после того как лопнет становится.
А пока он радугой опоясан, он летает

Чтобы взлететь, надо сначала выбраться из кокона

Чтобы взлететь, надо сначала выбраться из кокона,
А это так сложно, почти как родиться вновь.
Там в далекой Колхиде, помнишь, на подушке два локона.
Помнишь или забыл? Это еще называли – любовь.

Крылья должны наполниться влагою.
Помочь нельзя. Тогда не взлететь.
Сердце у бабочки полно отвагою.
Главное: это сильно хотеть!

Вверх. Вниз. Правее. Чуть легче. Так. Отлично. Еще чуть-чуть.
Она, наверное, уже чувствует, что скоро сможет вздохнуть.

Еще немного. Всего движение. И... вот она высота.
Будет, чувствую. Вожделение. От быстрого полета в небеса.

Крылья полнятся влагой медленной,
Которая скоро превратится во всплеск.
Погода может какой угодно быть ветреной.
Бабочка все равно влетит в свой лес.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Владимир Казаков

* * *

Языческий огонь
И занавес ночи
И шаткий полутон
На грани этих красок
Природный жаркий звон таинственен и вязок
Среди гравюрных вязов он дышит и кричит.

* * *

В косноязыческих космах костров
Варит обед Иоанн Богослов.

* * *

Ну а где-то на Руси в реках крови полных
Собирают киноварь для Твоей иконы.

* * *

Я снова с тобою вещая вечная осень
И как прежде природа
Древнейшим расколом полна
В небесах над Москвой
Бесконечную цифрой восемь
Рукоприкладствуют колокола.

* * *

Жизнь продолжается
Снова и снова
Серый песок, свою песню поет
Я вдруг, понимаю
Что я – Слово
Которое, никогда не умрет.

Лидия Григорьева Специально для ПО

ДООС – стреказанка
Лондон, Великобритания

СЛЕВА – СЛОВА СПРАВА – СЛОВА

ВПЕРЕДИ – СЛАВА

Юлий Хоменко

Вена, Австрия

* * *

Разминувшись с Шубертом во времени
Приближаюсь к нему в пространстве:
Перебрался в Вену
Брожу переулками вокруг дома
Где жил и работал композитор
Пью кофе в его любимом кафе
Вглядываюсь
В сидящего за соседним столиком
Средних лет кучерявого
В круглых очках толстячка

Наталья Фатеева

ГРАФАВАНГАРД

неословить идеи пробужденье
графемной паузой остановить
разрыв-во-всем
жесты-букву-звук
движением руки вословострочить
и так письмо неографить

СПАС И УПАС*

пушкинские штудии

угасли чудеса
и нет спасенья от упаса
испарина его не оросит
осыплются листы судьбы
и чуть, расправившись,
попросят властно:
Don't suffer now

* упас— древо яда и смерти, то же, что
пушкинский анчар.

ВЕНСКОЕ РОЖДЕСТВО

окольцована опера в Вене
и парки на морозном ринге
концертируют зимой нагими
растопив дворцы в звоне снега
завинченного в си миноре
клавиш белой неги

Александр Моцар

Киев, Украина

Вольтер. Бретон. Коллайдер

(история одного превращения)

– Ладно, не морочь мне голову о погоде.
Лучше расскажи мне о том происшествии
которое приключилось недалеко от города
Женева, на прошлой неделе.

– Ага, ты об этом, ну тогда слушай.
История действительно достойна, чтобы ее
услышать.

Ты помнишь Бретона, который как Пушкин
поэт. Так вот, он, обернувшись мышью

залез в череп Вольтера.
Что ему там понадобилось – неизвестно.
Скорее всего, его интересовала та сфера
которую Вольтер называет бездной.

То есть мистическая сторона Христианства.
Ее как ты помнишь, Вольтер отрицал всю жизнь
свою земную. Проповедуя, в пространство
Сенсуализм.

Так вот, Бретон, забравшись в череп
Вольтера, увидел там такую картину,
совершенно пустое помещение и в нем еле
Заметную паутину.

Которую можно увидеть только мышинным глазом.
Да и то если эта мышь Андре Бретон.
Взгляд которого выворачивает пространство
наизнанку. Но суть не в том.

Бретон заметил, что в паутине плотно
застряло что-то лишнее.
Между мух, тараканов и прочих насекомых
находилась элементарная частица.

Тот самый пресловутый бозон,
который доказывает, что в мире нет тайны.
И в тот же миг Андре Бретон
превратился из мыши, в большой адронный

коллайдер

11.08.2009

Бегград, сентябрь 2007 года

январь 2010

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин, Ирландия

ПАБАКО

Фрукт пабако – экзотический фрукт. Он растет не везде; можно сказать, он вообще нигде не растет, но все же его откуда-то приносят, ставят на стол – и обнаруживают его съедобность, к вящему своему удовольствию. Так что плод пабако был бы почти плодом ума, если бы не его сочная голубая мякоть под белоснежной кожей.

Плодоножка же у него красная, поэтому дерево пабако объявлено священным в странах с красно-бело-синими флагами. Поскольку таких стран великое множество, плоды пабако считают в каждой из них национальным блюдом.

Многим, наверное, доводилось покупать пакеты с соком пабако, от которого кожа становится белой, глаза – голубыми, а на щеках проступает так называемый стыдливый румянец вкушающего пабако – ведь даже полулитровые пакеты с этим соком столь дороги, что их покупают лишь по ежемесячным национальным праздникам. Говорят, это даже к лучшему, потому что при более частом потреблении сока или компота из нарезанных ломтиками бело-голубых долек с мягкими хрустящими на зубах красными плодоножками цвета ложатся на человека по-иному: голубой, вернее, синей становится кожа, красными – глаза, а белоснежными – волосы. Такие люди вызывают у встречных священный ужас, как древние пророки; их обходят стороной и предоставляют им заниматься самым неприятным делом – радением о своей сине-бело-красной стране. Этих седых субъектов с налитыми кровью глазами и синюшной кожей возят в машинах без стекол и поселяют в домах с непрозрачными окнами.

В одной стране плод пабако попал даже на государственный флаг, вместе с тремя львами, которые уже много лет скалят на него зубы, но укусить не могут. Сей флаг долженствует выражать невозможность достижения полного человеческого счастья, о чем жители бело-сине-красной страны догадывались еще задолго до появления у них этого флага.

Автор этих заметок должен признаться, что он вкушал сии диковинные плоды, причем вполне легально. Как и остальным так называемым причастным, ему дозволено также писать о таких высоких материях, как священное древо пабако, ежемесячные национальные праздники и радение о родной стране. Причастные пишут на белой бумаге красными чернилами, а иногда даже той голубой жидкостью, что течет в их жилах.

Свидетель подводного времени

Редко кто замечал, что у осьминога, помимо восьми ног, имеется еще и галстук.

Осьминог вряд ли способен объяснить, зачем ему нужна сия парадная деталь туалета, – разве что как знак слишком часто колеблемого самоуважения? В общем и целом, осьминог честен, скрупулезен и небогат. Ему немного нужно. Постигая бесконечность подводных тропинок, на которых заблудилась его эпоха, он думает о себе: я существо без имени и биографии. Есть тело, да и то почти прозрачно. Мозг прозрачен совсем.

Воспоминания постепенно обесцвечиваются, голос не слышен под спудом глухих вод. Что же осталось? Что осталось?

Акулы криво улыбаются: много осталось – чернила.

Бездна зовет

Ночь дрейфовала по черной речке от селения к селению, от столетия к столетию. История плыла следом, пофыркивая и отплеываясь илом. В какой-то точке пространства случилась незапланированная остановка, и во вневременном молчании послышалось: «Прощайте, Рамирес, Гонзалес и Родригес! Бездна зовет вас».

Затем последовала отрывистая команда – и всплеск...

Из тьмы вышел генерал и объявил, где воследует следующая незапланированная остановка. На генеральском мундире позвякивали загадочным золотом новенькие медали с изображениями Рамиреса, Гонзалеса и Родригеса. Тьма сделала то, что она умеет делать лучше всего: сомкнулась.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белуос

Геля Воронина

Аквамарин

Запала на цвет,
залапала радуги.
Сквозь призму
цветными айсберги
крошились на головы парусам...
Корабли ныли как-то отчаянно...
Морской гостиницы ярусы
готовы служить морякам.
Смятые саваном
глаза с чешуёй уплывали прочь...
Блистательный юнга!
Какая ночь!
В такую крымские валы
смеяться штилем?!
Да никаким чёртом!
Пусть ураган набирает баллы.
Море-то киснет, становится йогуртом,
вместо фруктов – сплошь мальчишечьи головы...
Какие ж дожди!
Хвала небесам!
Наверное, здорово.
Ложкой в стихию,
попробуй сам.

Сладкий

Воля сахарная моя,
Вафельные края
Обломать твоей воле.
Наши руки вчера и сегодня в ссоре,
Так что не смей и тянуть.
Знаешь, помогу только тонуть
Любым спасательным кругом,
Когда-нибудь выживешь. А другом
Точно не будешь.
Жаль, ты меня по-честному судишь.
А я пошла в мировые, подкупные...
Всё-таки слёзы у тебя крупные,
Когда ты расстроен.
И дело не в море,
не в глубине зрачков,
В которые до бесконечности падаешь.
Ноль за победу очков.
Радуешь.
Круасанно-слоеная воля моя,
Нестойкость меня
Раскрошилась о твои зубы.
Черт с ним!
Целуй в губы!

Леонид Столович

доктор философских наук
Тарту, Эстония

Стихотворения из одной рифмы

Ницше – нищий?	Обаяние для обоняния	Влип в клип
Восток – восторг.	Суверенный – суеверный	Прелести – прелести
Ожерелье от ожиренья.	Аксакал обскакал	Крали крали
Медаль – Миндаль.	Груды – груды	блондинки бандитки
Маргинал – Оригинал	Народ на рот	Подлец подлез
Убогая: у Бога я	Не деться от детства	Сели Вы? – Селяви!
Дебила добила	Переживать? Пережевать!	Сноб – Сноп

Татьяна Бонч-Осмоловская

кандидат филологических наук
Сидней, Австралия

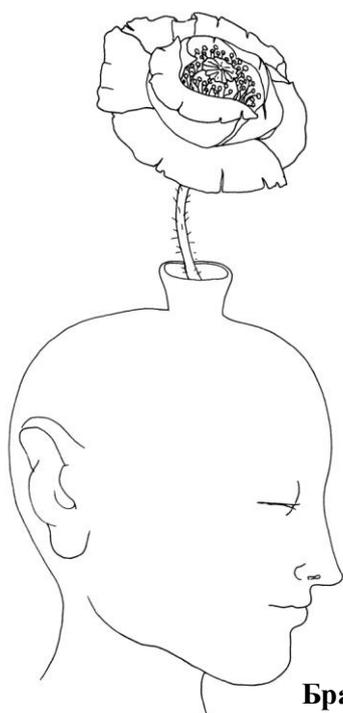
●
Зазвенели над озером нежные трели,
Дерзкий ветер, мгновенья хрустальной мечты
Не тревожь! И мохнатые старые ели
Укрывают во мраке лесные цветы.

Дерзкий! Ветер мгновенья хрустальной мечты
Не сберег. Ароматы листвы, влажный рот...
Укрывают во мраке лесные цветы
Тайный вздох, нежный взгляд, головы поворот...

Не сберег ароматы листвы влажный рот –
Зазвенели над озером нежные трели,
Тайный вздох, нежный взгляд... Головы поворот
Не тревожь. И мохнатые старые ели...

Последовательности строк в строфе образуют замкнутый венок, так что стихотворение всего из шести различных строк становится бесконечным циклом:

I строфа	II строфа	III строфа	IV=I строфа ...
1	2	5	1
2	5	1	2
3	4	6	3
4	6	2	4

Фрагменты

Виктор Клыкков

ДООС – австрозавр
Вена, Австрия

Концертный зал им. Чайковского 14 марта 2009
Николай Петров. Вечер фортепианной музыки

Моцарт: Фантазия до минор (К-396)

Большой нежный медведь
Николай Петров в овале яйца
Чайковского зала лица
медленно поднимает
левую медвежью лапку
и клавиши гладит
правая лапка ей отвечает
Ту ту ту то то.
БАМ!
Ту та пам пам пам пам
Татататата, тара, ра рара
Коло коло чики, тити.
Тити, тити –затухая, затухая, затухая...

Брамс: Семь фантазий, соч.116

Каприччио ре минор, интермеццо ля минор, каприччио соль минор, интермеццо ми мажор, интермеццо ми минор, интермеццо ми мажор, каприччио ре минор.

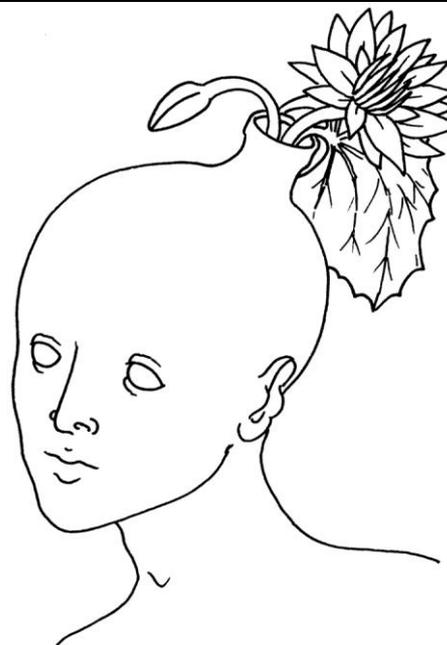
«3 каприччио, 4 интермеццо, 5 миноров и только 2 мажора.
Жаль – слишком много минора и мало мажора
для проявления темперамента Николая Петрова».

Рисунки Кристины Зейтунян-Белорус

Ольга Журавлева

РОЯЛЬ

Нервна.
По-детски трогательна,
Первоначально вся обнажена –
О, нимфа-арфа!
За это ль на тебя жестокий гений
Мужской – непревзойдённый, властный
Обрушился, зафрочил, застолбил –
Не то бюро, не то автомобиль,
На толстых выпуклых ногах:
– Ах, нимфа-арфа, ах.
А пальцы затвердевшие от гамм
Выстукивая менторские ноты
Надрывно требуют любви, работы,
И рабства вечного.
А там, у основания забот –
Быть преданной, угодной для того
Кто, барабана по поверхности натуры,
Блудит по косточкам клавиатуры –
По чёрно-белому, по жизненному.
Вот так, ах, нимфа-арфа,
Переустроив под себя всё женское:

Подмяв, поставив ноги, педалируя,
Играет, думая при этом о своём.
Мужское знает толк в источниках.
При том – ни чуть не сожалеея об
Утраченном.

Хадаа Сендоо

Улан-Батор, Монголия

Ветер

Мы приходим нагими
И нагими уходим
Там где мы родились
Был один только ветер
И когда нас не будет
Останется один лишь ветер

В моем сне
Ты погладил мои сухие волосы и прошел
Сквозь безнадежность каменных границ
Всех народов
Ты легко поднялся над землей
Ты поцеловал спокойное небо
Оно же вскрикнуло протестуя

Куда уйдет благоуханный ветер
И где возмездие его настигнет
Мы ничего о том не знаем
Нежный ветер
Бродяга ветер
Поющий ветер

Твоя улыбка

Я родом из степей
Где не цветут цветы
А ты не видела снежинок белых
Плывущих нежно по ночному небу
Ты девушка из южной стороны
Я увезти тебя отсюда не смогу

Ты кажешься мне веткою сирени
Чей аромат проник в мою одежду
Я на просторы Гоби каменистой вернусь один
И буду век скучать о зарослях банановых зеленых

Я мог бы отказаться от всего на свете
Но от твоей улыбки – никогда

Весть

Дитя степей
Я в сумерках невидим
Но чем темнее ночь
Тем ярче я сияю
Как звезда исполненная счастья
Весть всему миру –
Я не одинок

*Озвучила монгольскую степь по-русски
специально для ПО Александра Заболотская*

Марина Розанова

* * *

Бог Отец,
Бог Сын,
Бог Дух Святой Дельфин
Плавника небесным посохом
по морю аки по суху
Сын небесный,
Дельфин Иисус,
на волне к тебе вознесусь

Алла Кессельман

ДООС – дева нот

я как пейзаж

Я вдвоем или втроем?
Или я, двадцатипятипалый,
пою кудрявкой на лесу?

Во мне все щебечет.
Во мне такие разногласия и перипетии,
что плещи озера не светит все загладить.

но не будь этого воцеленого глобуса
этой стальной дыры
на моем зеленом –
сколько тайного, укромного
не было бы скрыто от всякого
нескромного!

и притом это единственная подвижная
деталь
во всем целом!

о яблоко!
сквозь твой прозрачный череп
пару семечек рыб
порою в жаркий полдень

видать.

Это освежает, и за это
я, кудрявка
короткого, жесткого леса
с прилегающими облаками
на двадцатипятипалец необъятный
кольцо осоки
надеваю в знак
перво-сходства

Вилли Р. Мельников

ДООС – лингвозавр
Специально для ПО

**Именные акростихи-обереги
для Елены Кацюбы
и Константина Кедрова**

Единозавров мезозбв.
Ладоней неподслушных глина.
Естествозндобье низов
Наймёт подсказбуку с азов;
Аве!чий-плащ-надЕва: длинно!..

Амфибиотик плавнику —
Лекарство-кбрстовые фрески.
Едеи вкус произвлеку
КарикАртурно-королевски:
Стричь стрекозймые посевы.
Алгебралтърно молнят громы:
Не слышите себя в грозе вы,
Диалогімны-палиндромы!
Рикошетируй, рек конкиста!
Остановптязь — на скаку.
В истокших дельтах пыль игриста.
Незабывбжен слог Улиссста:
Астральтер-эго изреку!,,,

Конкретро-стиль — опять в ко-моде.
Арбитра вздох: ничьяма вроде!,
Цель распинальти на вратах...
Юс-малый — непроизносимвол,
Бредовокрылый рок'н'мим'ролл:
Аз стихоход изобретбх!

/ноябрь 2008/

Кристалльфы Аладдиновых лампад,
Очнувшись от огня, говогорят:
Наказано без-искрием огниво —
Словеским кремнем скбзкает лениво.
Тирбндевѹ — свиданий хрестоматья.
Ask'етам строчно должен подыскать я
Над-ежный игло-ушечный дисп'answer...
Трясимволы входящих в резонанс вер
Искрятся мир-входяще, ветро-вратно,
Надеясь на (х)мелеющий Евфрат. Но —

Аркан: своё-теченье-прекраТигр
Ладбит глубины утонувших игр.
Елейно объявив ничьи ничьими,
Контр-роль утратив, сушим грим в печи мы,
Срывая голос, как афишу — с двери.
Антракты — прима-доны на премьере!..
Не делит на исподье и господ
Друзей кометаходец-метакод!
РазБужена бессонницей небес
Огония углей. Ликуй, Тартесс!
Волшбпт метафороф — Перунный лик,
Исток сокрыв, как Трою — Гисарлык.
Чудитству мстят взрослпкками с чудес,,,

Компьютвердйет напряжесткий диск.
Ессейских свитков иссыхает риск,
Дразня возню разнящихся пророков:
Раздельночленно эхо, да высок кров!,,,
Оставил Рим кристаллккер: ждѣт Равенна!
Все-стишь его арт-эрий — сакро'венна,,,

/октябрь 2008/

Александр Смирнов

Ярославль

Математический этюд

Трёхмерная матрица
В пространство протянется.

В пространстве случайностей
Мелькают огни.

Огни взвеют соль
На границе реальности...

Реальность взорвѣтся —
И выплывет ноль.

Рисунок Игоря Ревякина. Специально для ПО

Алексей Торхов

ДООС – торозавр
Николаев, Украина

«PARTY»-ТУРА

взгляды-дизеи...
повышение молчания на одну ступень...
...
взгляды-бемоли...
понижение желания на одну ступень.
...
взгляды-бекары...
попытка заговорить о желании

НАДЦАТАЯ ШАМАНТРА

я обещал тебе до...
я обещал тебе дождь...
...
я шаман самозванец...
не имеющий даже бубна...
не имеющий даже страшных красок...
не имеющий даже пугающего взгляда...
не имеющий даже имени в списках небес...
не имеющий даже понятия о «пиар»-технологиях...»
...
я шаман самоучка...
не выучивший «вауххх-вауххх» (утробно)...
не выучивший «мбау-мбау» (зловеще)...
не выучивший «игадагуфф» (жертвенно)...
не выучивший «омоооннн» (призывно)...
не выучивший «ауыыымма» (соблазняюще)...

Лёля Собенина

Екатеринбург

ПОЭЗИЯ ЭТО СЕКС СЛОВ

к тебе на свидание легко иду я,
пересекая уз брака двойную сплошную
десятилетняя разница возраста
растворяется кубиками рафинада
кафе трассы иркутск – улан-уде
в окружении низких смуглых бурятов,
я украдкой украла там чайную ложку
и оказалась ниже буряток ростом

прием ласк, внутрь и наружно,
капля горячего масла растекается
на подрагивающем животе,
таешь мороженым в горячих руках
слизывать капельки, кончиком языка

потом мы касались друг друга пальцами ног
оставляли телефоны на кухне, ставя на блок
делали вид, что нас не волнуют их трели.
мы читали друг другу стихи в постели

* * *

Поцелуи вытираются тыльными сторонами рук и мужчина,
познавший количество женских губ, ежедневно предаваем вечно растущей щетиной.
Вот подумаю о тебе и падает телефон – это я спотыкаюсь о провод
Был бы повод звонить, был бы номер, был бы ты. Неизвестно кем преданный.
Как судакская крепость, сохранившийся, но не ничем не заполненный город.
Ни соседей, ни цоканья каблучков, ни торговаться на рыночке за копейку,
Даже просто не поработать спасателем на городском пляжу, и не вытащить
Пьяную женщину, на хлебавшуюся поверх алкоголя моря.

...
но капли падают и падают...
на твоё пересохшее тело...
после того как...
я пообещал тебе до...

СЧЁТЧИК СЛУЧАЙНЫХ ЧИСЕЛ

сегодня как-то навьлет от внезапного...
снова путаю буквы с букашками...
пытаюсь подтолкнуть ногтем...
и они наконец-то ползут...
в совершенно свою сторону...
...
на всякий случай пишу...
опровержение...
покаянное письмо...
пару доносов на себя...
и тезисы для конвоя...
...
«не кантовать...»
«не тупить...»
«любые совпадения с вашей лжизнью
считать...
случайными...
числами...»

Алина Витухновская

друг ДООСа

Нос

Гоголь – черный ангел
 в углу философии.
 Мглистой изнанкой
 мохнатой гусеницей
 немецкого нигилизма
 Углубился в ту
 черную дыру,
 нефтяную скважину,
 олигархическую нежность,
 бесконечную тяжесть смысла.
 ...Хайдеровская «Вещь-в-себе»
 в той предельной
 экзистенциальной
 оторванности,
 Что подразумевает
 абсолютную бессмысленность.
 как ответа, так и вопроса.
 Гоголь – это сон носа.

Футуристическое Ничто

Моллюски букв. Слогов куски.
 Тону в бездумии дремучем.
 Крученных, ты безумный кучер,
 В твоей карете чужаки!
 Они туда, сквозь Русь несутся,
 Где пропасть, где дурная щель.
 Они, конечно, не спасутся,
 Когда познают Суть Вещей.
 Клещами Истины Кошмарной
 Они вцепились в языки.
 И окровавлено-шкарны
 Пустые рты. Торчат клыки
 Из дыр лица. И вампирично
 Сосут припадочно Ничто.
 И исчезающая личность –
 Как безъязыкости итог.

Александр Лысенко

Вена, Австрия

Цезарь Каракалла

Драгоценная влага
 Держит форму фляги,
 Затем бокала,
 А затем – души.
 Какие же, парниши,
 Вы все симпатяги!
 Но цезарь Каракалла
 Мне где-то ближе,
 Как ни пляши!

Ну и что, что с лавровенчанным
 Мы в разных званиях?
 Смысл не в славе вечностной,
 А в том, по чем тоска.
 Он запал на термы,
 По нашему – бани,
 А мой запал – химеры
 И замки из песка.

И пусть ищут крамолу,
 В таких сравнениях!
 Суть в масштабе затеи
 И в том, каков исход.
 Мне в попы бы – Сованароллу,
 А в арт критики – Берию,
 Чтоб дурные идеи
 Они отправляли в расход.

Картинка в лицах:
 Кстати, что за идеи,
 По которым, вроде бы,
 Не имеем с Каракаллой
 Мы общих основ?
 Я жил, надеясь
 Сочинить мелодию,
 Способную тараканов,
 Уводить из умов.

Я извлекаю из дудочки
 Звуки разнодолгие,
 И из упертых голов
 Сползают в улочку
 И за мною топиться
 Бредут членистоногие
 Колонии слов

Они известны:
 «Фанатизм», «мракобесие»
 И еще из этой братии
 Десяток-другой,
 Но для нот и текста
 Подобной песенки
 Мне, похоже, не хватит
 Жизни одной.

Но, как на развалы
 Терм каракалловых,
 Пусть на кладбище
 Моих усталых
 Идей
 Парень зайдет,
 Тоже и также страждущий,
 И пару займёт
 Шершавых
 Камней.

Март 2009

Рисунок Кристины
 Зейтунян-Белюс

Ганна Шевченко

ДООС – пчела

Суть вещей

В прошлой жизни я была дождём,
и не видела, как в экспрессе ехала девочка
с медвежонком на руках.
Игрушка смотрела поверх её плеча,
туда где сидел молодой человек
с ноутбуком.

Этот человек был поэтом, потому что,
когда он открывал свой электронный ящик,
всегда наверняка знал,
сколько в нём непрочитанных писем.
Когда-нибудь я тоже научусь видеть
суть вещей и стану поэтом.

Может быть очень скоро...
когда закончится дождь.

На пляже

на пляже пустынно
лишь несколько рыбаков забросивших невод
берег осыпан бутылками с письмами из Атлантиды
ракушки на глубине рожают жемчуг
от боли немеют
я собираю письма
греюсь у кромки
из песка делаю пирамиду
морская пена может пропеть такое
чего не найдёшь в Британской энциклопедии
задолго до шторма я запаслась слуховым аппаратом
море волнуется
перебирает водные велосипеды
выбрасывает на побережье
песенку в два карата
рыбаки уснули
и вот уже снятся омары и осьминоги
тем кто забросил невод за горизонт
я ложусь на песок
чтоб загореть немного
но вместо моря вижу небо наоборот

Luo Ying

China, Beijing

Walls

Folded
Up
See me
Unable to break through
From day to night
In a corner
Cowering
My back
Tightly propped
Moonlight
Finally shoots over
Illuminating
Me
And
Walls

Neighbors

Neighbors
Are another door
The master of another dog

Neighbors
Are another mailbox
The owner of another door code

Neighbors
Are another seat on a bus
The owner of another digital watch

Life like an SMS

Life like an SMS
Delivered without a known name
It's not particularly short
Also neither distant nor close
Repentedly sent in batches
But not knowing why
And read with insufficient emphasis
Who will believe the pain that's related
Left out like trash, interesting nobody

Life like an SMS
Cheap without any real cost

*Translated from the Chinese
by Michael Day*

Рисунок Кристины Зейтунян-Белюс

Сунь Юэ**Фиолетовые крылья**

1
 Ее фиолетовые крылья из облаков моей сказки,
 Запеченные сладким дыханием.
 Ее выпачканные маслом ручки
 Это картина из древнего сна,
 Эта безмолвная тушь таинственна!
 Она молча чем-то мне намекнула,
 Словно душистый ветерок из южных Гималаев,
 Стилизованная снежинка ее слов взлетела
 За грань всей мечты
 Где тишина легла
 Как большие российские снега,
 Сквозь которые унеслась недогоняемая чайка
 И неожиданно стихла светлая песня

2
 Зов Ее еле слышен,
 Это стонет усталый закат
 На увядшем берегу Черного моря
 Кораллы спрятались под смехом волн
 Она тайно подарила мне цветущую в апреле сакуру
 Эта чистота безупречна,
 Эта редкость драгоценна!
 И так
 Ее фиолетовые крылья из облаков
 Сложены на подушке чистых прудов
 Около мостика Дракона
 Летнего дворца китайского императора
 И выросли под ветром во сне зеленые ивы
 Что кудрявей ее золотистых волос,
 Что звучнее ее соловьиного голоса,
 Когда по зеркалу озера
 Ночные звезды перестали мигать...

3
 Опять Ее выпачканные маслом ручки,
 Изображенные чужие глаза печальные
 Живут Ее жизнью, но с моими слезами.
 Мой поющий взор, зараженный
 Жаром души ее девичьей.
 Я понимаю прекрасно,
 Что описать цвета ее губ на Черном море
 Мне не под силу как будто,
 Потому мечтаю об одном только:
 Чтобы имя ее в иероглифах красных
 Засияло в небе прозрачном
 Над двухтысячелетней Поднебесной столицей

21 11 2009

Ирина Бессарабова**Исаак и Ревекка**

*Неподвижно лишь солнце любви.
 Вл. Соловьев*

И видит Исаак: идут верблюды,
 И между их мерцающих горбов,
 Как бы в горах, чьи дальние гряды
 Ночами кормят небо острой грудью,

А утром молоко являет свет,
 Который разливается повсюду.
 И небо отпадает, как дитя,
 Насытившееся до новой ночи,

Сидит Ревекка в покрывале мглы.
 Идет к нему, сама же – неподвижна.
 Идет к нему – сама среди горбов.
 Кувшин и влага – движутся навстречу

Великой жажде, тоже неподвижной,
 Пославшей за невестою раба.
 Любовь пребудет посреди горбов
 Движенья. Все вращалось и текло,

Чтоб эти двое были неподвижны.
 Шел раб; верблюды шли; росла трава
 Колючая; пески сдвигали брови
 На солнцем испекаемом лице

Пустыни; направляясь к Исааку,
 Пустыня шла, безмерный караван;
 Шло небо, поторапливая звезды.
 (Ревекка дремлет, за горбы держась).

Шло солнце, указуя всем дорогу,
 Где золотистой дланью, где перстом;
 А Исаак их ждет, не шевелясь,
 Как вкопанный, среди святого поля,
 Что тоже шло к нахлынувшим пескам.

Ревекка неподвижна меж горбов.
 (Вокруг все шло – от радости и страха).
 Поскольку только так свою любовь
 И можно донести до Исаака.

Ольга Адрова
 ДООС – рок-стрекоза

Большая премьера

Столица огнями горит как вечность.
 Веером открываешь вечер.
 Блеск премьер – электрический Вермеер.

Занавес и веер – вот и весь Вермеер.
 Веер – Монмартр,
 Веер – Сартр,
 Веер – Бонопарт.
 Идешь веером лож,
 Веер-нож несешь.
 Измерен, подчеркнут
 Занавесом веер.

На лицах ожидание конца света,
 На лицах тень под названием «планета».
 На Бродвее опять премьера –
 Шарлотта Корде воскрешает тело.
 Сядешь, одет в тлен,
 Невесом, нем.
 Себя внесет ветер нот,
 Веер-дрожь внесет...

Кремы вбиты в кожу:
 Зрители-вельможи –
 Не можешь встать, не можешь...
 Истома – занавес, –
 Повесь стеклянный занавес!

Пиля Пиаф
 Мир как спирт.
 Рожь рожь,
 Сытин сыт...

Занавес! Измените замысел!

Идешь тревожить вечером
 Веселье мерина;
 Вермеер – пальцы веером, –
 Им тлен измерен:
 Плотнее плоть Вермеера, чем вечер,
 Длиннее тень Вермеера, чем веер.

Наполовину полон веер –
 Наполовину пуст Вермеер.

Пиаф, ты ведьма веера –
 Намеренно!
 Твой веер – рот Вермеера.
 Удав сыт.
 Спина Пиаф спит.

На ее веере, как бант, висит Вермеер.
 Пока он верен, он не хочет в веер...

Ты – лодочка, ладья, летящая
 По ладным клавишам,
 Ты с веера теперь глядишь
 Аккордом манящим,
 Что фрейлиной ты здесь сидишь
 С душою тающей?!

Что ж, в одно мгновение
 Все ж сложится веер...

Вавилонская башня –
 День вчерашний:
 В веер влез
 Вавилонский экспресс.

Пиаф, медуза мейнстрима,
 Чеканит чеки с «Челси».
 А Бах снес прах
 В Госстрах...

Смакуя коктейль из пространства и времени,
 Раскинулись звезды блаженным веером.

Нежен,
 Снежен вечер.
 Веер
 Вечен.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белого

Марина Герцовская
(1953-2009)

РАЗГОВОР

Я взяла текст у китайцев. Это ТАИ ЧИ.
Позы змеи, или лебедя, или зайца. Я
соединила позы вместе с текстом.
ИСКУССТВО – это ЯЗЫК, средство связи
между людьми, которые говорят на
различных языках. Мужчина и женщина,
сливаясь воедино, – это Искусство.

17 Октября

懶
扎
衣

斜
行

初
收

Журнал ПОэтов»
№ 11 (23), 2010

Учредитель группа ДООС
(Добровольное общество охраны
стрекоз) при участии всемирной
организации писателей (Русский
ПЕН-клуб), ассоциации
поэтических обществ UNESCO,
Академии поэтов и философов
Московской академии
образования

Натальи Нестеровой.

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Е.Кацюба (ответ. секретарь);
С.Бирюков, доктор
культурологич. наук (Германия);
А.Бубнов, доктор филол. наук;
В.Вестстейн, профессор
(Нидерланды); А.Витухновская;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий
(Ирландия); Б.Лежен (Франция);
В.Нарбикова; В.Рабинович,
профессор Института
культурологи.

С о д е р ж а н и е

Константин Кедров – 2
Андрей Вознесенский – 3
Вадим Рабинович – 4
Кирилл Ковальджи – 4
Валерия Нарбикова – 5
Елена Кацюба – 6
Александр Еременко – 7
Сергей Бирюков – 7
Александр Чернов – 7
Кристина Зейтунян-Белоус – 8
Маргарита Аль – 8
Евгений Степанов – 9
Татьяна Зоммер – 9
Лоренс Блинов – 10
Юлия Андреева – 11
Андрей Коровин – 11
Наталья Азарова – 12
Владимир Климов – 12
Борис Гольдберг – 13
Анна Богданчик – 13
Дмитрий Чирказов – 13
Александр Бубнов – 14
Юрий Метелкин – 14
Наталья Никифорова – 15
Владимир Казаков – 15

Лидия Григорьева – 16
Наталья Фатеева – 16
Юлий Хоменко – 16
Александр Моцар – 16
Анатолий Кудрявицкий – 17
Геля Воронина – 18
Леонид Столович – 18
Татьяна Бонч-Осмоловская – 18
Виктор Жуклов – 19
Ольга Журавлева – 19
Хадаа Сендоо – 20
Марина Розанова – 20
Алла Кессельман – 20
Света Литвак – 21
Андрей Врадий – 21
Вилли Р. Мельников – 22
Александр Смирнов – 22
Алексей Торхов – 23
Лёля Собенина – 23
Алина Витухновская – 24
Александр Лысенко – 24
Ганна Шевченко – 25
Luo Ying – 25
Сунь Юэ – 26
Ирина Бессарабова – 26
Ольга Адрова – 27

Иллюстрации: Виктор Ахломов – 3, Елена Кацюба – 4, 6, Кристина Зейтунян-Белоус – 2, 5, 9, 15, 17, 19, 24, 25, 27, Игорь Ревякин – 12, 22, Галина Мальцева – 21, Марина Герцовская – 28. **Дизайн номера:** Елена Кацюба. **Дизайн обложки:** Андрей Врадий. Рисунок на 1-й стр. обложки: Кристина Зейтунян-Белоус. Рисунок на 4-й стр. обложки: Галина Мальцева. Эмблема ДООС: Сергей Бордачев.

21 марта 2010 г. 11-й Всемирный день поэзии в Театре Ю.Любимова на Таганке
Творческий вечер Константина Кедрова и презентация номера «Радары радости»

Фото Яны Павелковской

Константин Кедров и Елена Кацуба представляют Журнал ПОэтов № 11 «Радары радости»,
изданный специально к 11-у Всемирному дню поэзии

Фото Виктора Ахломова

Фото Яны Павелковской

Константин Кедров читает поэму «Компьютер любви».
Импровизация на саксофоне – Сергей Летов

Фото Евгения Зуева

Ольга Адрова исполняет свою музыкальную композицию по стихам Константина Кедрова.

Фото Виктора Ахломова

Константин Кедров среди ангелов

Ангельская инсталляция. Автор Маргарити Аль (справа)

Фото Евгения Зуева

Финал вечера

Фото Виктора Ахломова

Фото Евгения Зуева

Фото Евгения Зуева

Рисунок Галины Мальцевой